

49668

427

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 15

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЕ
ЛИСТОВКИ.

№ 15.

ТВЕРДОВ.

224

КАК ТРУДЯЩИМСЯ
ВЫЙТИ ИЗ ГОЛОДА?

1008/540
БИБЛИОТЕКА
ХИМИЧЕСКОМУ БУДУЩЕМУ

№ 49668

1911 24 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА, 1920

ВЕРИТИЧКА

№ 26520 49668

34581

Проверено
ЦНБ 1938

Цена 2 р.

Никем из книгопродавцев указанная на книге
цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

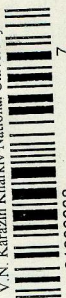

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА

№ 49668

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1920 г.

V.N. Karazin Kharkiv National University

Как трудящимся выйти из голода?

Мировая война, начатая капиталистами, вызвала страшное хозяйственное потрясение во всем мире: все человечество переживает тяжелую хозяйственную разруху. Для войны десятки миллионов молодых и здоровых крестьян и рабочих были брошены своими буржуазными правительствами на фронт и убивали друг друга, в то же время десятки миллионов других рабочих и крестьян, оставаясь на своих местах дома, все свои силы затрачивали на изготовление пушек, ружей, патронов, снарядов.

Одним из самых чувствительных и наиболее опасных последствий мировой войны является продовольственный кризис, т. е. недостаток в предметах питания.

Продовольственный кризис — явление мировое: хлеба не хватает не только у нас в России, но и во всех других странах, не исключая и Америки.

Россия до войны производила на всей своей территории, включая Украину и Сибирь, четыре с половиной миллиарда пудов хлеба в год.

Из этого количества около четырех миллиардов мы потребляли сами, а пятьсот миллионов пудов вывозили за границу.

Делали мы это не потому, что у нас в действительности был лишний хлеб, а потому, что это было выгодно капиталистам. Рабочие же массы в России хлеба досыта никогда не видали. Вот что говорят нам цифры, точно проверенные наукой: в 1914 году на одного человека в России потреблялось 18 пудов хлеба, в Германии — 25 пудов, в Дании 50 пудов, а в Соединенных Штатах Северной Америки — даже 55 пудов.

По мере того, как разгорался мировой пожар войны, хлеба перестало хватать и для нас самих.

Почему же это произошло?

Это произошло прежде всего потому, что миллионы рабочих и крестьян, а также и трудовой интеллигенции были оторваны от производительной работы, бросали свои хозяйства и, уходя на войну, оставляли эти хозяйства большей частью на произвол судьбы.

Сотни тысяч десятин земли оставались необработанными, или обрабатывались очень плохо, и таким образом урожай хлебов уменьшился на многие миллионы пудов.

Затем война требовала усиленного снабжения армии и много добра истребляла, сжигала, топила и т. д.

Постепенно ухудшилось состояние всего нашего народного хозяйства и такое же положение, лишь с некоторыми изменениями, наступило в других странах, втянутых в войну.

Если голодает российский рабочий и крестьянин бедняк, то мы стали все чаще и чаще получать сведения о том, как рабочие Германии, Австрии, Франции, Англии, Италии и других стран также переживают все ужасы голода и недостатка самых необходимых предметов.

Перед трудящимися властно встает вопрос: как ослабить это новое страшное бедствие?

Мы должны подумать не только о себе, но и о трудящихся массах других стран и в особенности тех стран, в которых всегда не хватало хлеба по недостатку земли, потому что большинство населения там занято на фабриках и заводах.

Мы можем дать им хлеба, если поставим ичаче наше сельское хозяйство, а взамен от них мы получим машины, которые нужны нам для развития нашего сельского хозяйства, для поднятия производительности земли.

Как же можем мы поднять производительность земли? Как нам достигнуть того, чтобы вместо 50 пудов с десятины, получаемых в среднем в России, получить нам 150 — 200 пудов с десятины?

Такое количество с десятины получается за границей, где земля не лучше, чем в России.

Возьмем, например, Данию, где сельское хозяйство находится в руках объединенных в артели и коопе-

ративы крестьян и где давно уже нет помещиков. Там с десятины получается около двухсот пудов, а в некоторых местах даже и 300 пудов зерна.

Что же нужно сделать нам, русским крестьянам, чтобы догнать датских крестьян?

У многих крестьян сейчас же напрашивается скорый и, повидимому, ясный ответ:

«Дайте нам побольше лошадей, коров, свиней, снабдите нас плугами, боронами, сеялками, сноповязалками, и мы дадим Советской власти гораздо больше хлеба».

Посмотрим же, можно ли таким путем поднять наше сельское хозяйство.

Прежде всего разберем вопрос о земле.

Хотя земли у Советской России очень много, но процент распаханых земель по отношению ко всей территории, включая и всю Сибирь, равняется пяти с небольшим процентам. Остальная земля или находится под лесом, или неудобная, или ждет еще своего пахаря.

Но всякий хороший хозяин понимает, что дело не в количестве земли, а в том, как ее обрабатывать, чем удобрять и как сеять.

Всем уже известно, что при существующей чересполосице, отдаленности полей от жилья и трехпольном севообороте невозможно поставить правильное хозяйство.

Посмотрим дальше, может ли Советская власть наделить все крестьянские хозяйства лошадьми?

Нет, не может.

Почему же не может?

А потому, что по статистике (научному подсчету) в 1918 г. только в 33 губерниях Советской России из 10 миллионов хозяйств было безлошадных 4 миллиона, т.-е. из каждых 100 домохозяев было без лошади 40 домохозяев в среднем.

По переписи 1916 г. во всех частновладельческих хозяйствах было всего около 500.000 лошадей.

Таким образом, если бы Советская власть стала распределять этих некрестьянских лошадей среди безлошадных бедняков, то из 8 хозяев получил бы лошадь только один, а семь хозяев осталось бы с пустыми руками. То же

самое можно сказать и про коров, и про свиней, и про другой скот.

Теперь посмотрим, можно ли устроить так, чтобы каждому крестьянину можно дать сельскохозяйственные орудия и машины и тем самым поднять урожайность земли?

И здесь всякий человек, знакомый с сельским хозяйством, скажет, что нет, нельзя при трехполье и чересполосице с успехом пользоваться сельскохозяйственными орудиями и машинами.

Так как же быть?

Как установить такую форму хозяйства, при которой могли бы работать решительно все крестьяне — и зажиточные и бедняки — и чтобы можно было всю тяжелую работу переложить на машину и даже обойтись теми лошадьми, которые у нас сейчас имеются.

Нужно всем крестьянам оставить старые, мало полезные формы хозяйства и перейти к новым, более выгодным для всех: к общинному, к коллективному хозяйству, т.-е. к хозяйству артельному или коммунальному.

Нужно всему трудовому крестьянству организоваться в сельскохозяйственные артели и коммуны.

Что же такое сельскохозяйственная коммуна?

Сельскохозяйственная коммуна есть такая форма хозяйства, при которой трудовые крестьяне соединяют все свои хозяйственные принадлежности, т.-е. плуги, сеялки, жнейки, молотилки и прочее, а также лошадей, коров, свиней, овец в одно хозяйство и ведут его сообща. Каждый в таком общем хозяйстве обязан работать по своим силам и способностям и в то же время всякий участник такого хозяйства получает от него все решительно по своим потребностям.

Чтобы яснее представить себе работу в такой коммуне и уяснить всю пользу коммунального хозяйства, опишу две деревни: одну деревню Ключицкую с коммуной и другую по соседству Родниковскую без коммуны.

В той и другой деревнях приблизительно одинаковое количество дворов, среди которых оказалось много бедняцких дворов.

Постановили ключицкие крестьяне коммунаой обрабатывать землю.

Подсчитали лошадей и оказалось в Ключицкой только 35 рабочих лошадей, остальные или были молодыя или больные. Соединили сельско-хозяйственные орудия, бывшие в деревне, потребовали, чтобы им отвели землю к одному месту.

Эти они сразу приблизили себя к земле и избавились от чересполосицы. Земли пришлось около 340 десятин. Вызвали агронома, и он составил им план четырехпольного хозяйства с травосеянием.

Началась пахота. У кого были лошади, привели лошадей, у кого плуги — привезли их и затем начали пахать.

Работа у ключицких кипела: меняли уставших лошадей, менялись и пахари, работая по очереди, кто сколько может, кому сколько положено по его силе.

В течение нескольких дней, хотя и с большим трудом, но весь участок был обработан и засеян при помощи сеялки, которую получили из Земельного Отдела.

Приехали ключицкие к нам в деревню, и сами не помнят себя от радости: у всех земля вспахана и засеяна, теперь только надо позаботиться во время прополоть, да убрать. Для этого ключицкие немедленно стали заботиться о машинах и из Земельного Отдела получили «планетки», а также сноповязалку и отремонтировали имевшуюся у них молотильную машину.

Когда пришло время убирать, то тоже принялись за работу все вместе. Пользуясь машинами, скоро уборку закончили, оставили себе зерна по норме, остальное сдали в Уездный Союз Коллективов (коммун и артелей) и получили через этот союз разные товары: мануфактуру, обувь, соль, керосин и прочее.

Все остались довольны, никто никого не упрекал, никто никому не завидовал.

Совсем не так вышло у родниковских. Родниковские крестьяне — такие же трудолюбивые и способные к работе — не могли договориться между собой и никакой ни коммуны, ни артели не могли организовать. Все делали по-

старому: каждый работал за себя и на своем поле. Пахал на чем хотел, и сеял, что имел.

Те крестьяне, у которых было все припасено, справлялись с работой, но, однако, многие даже и из зажиточных не могли управиться: лошади-то и плуги есть, да работников не хватило; надрывались на работе и только кое-как, с грехом пополам справлялись.

Но те крестьяне, у которых не было лошадей, много хватили горя. Начали искать, где бы нанять лошаденку, хотя бы на последние гроши, но нигде лошадей не нашли; каждому себе нужна во время рабочей поры.

Бились, бились безлошадные, так некоторые и не вспахали своих полей, а какие и вспахали, то потратили на это все свои сбережения, потому что лошадные крестьяне воспользовались стесненным положением безлошадных и содрали с них шкуру за пахоту.

И не было никакой радости у родниковских, наоборот, зависть и ненависть поселились между ними.

С посевом тоже плохо пришлось: сеялкой сеять нельзя было, так чересполосица мешала, да и не знали, с какой полосы начинать, каждый требовал себе, никто не хотел знать другого, и родниковцы ссорились и сеяли, как попало: кто сеялкой, а большей частью первобытным способом—руками.

Пришло время убирать—тоже горе: косили косами, так как жнейку-сноповязалку опять нельзя было пустить—чересполосица мешала.

И результаты у родниковцев вышли гораздо хуже: излишки зерна сдавали неаккуратно и товары поэтому к ним поступали туго.

На следующий год и родниковские вслед за ключицкими пошли и решили коммуной обрабатывать землю.

Так и по всей России происходит. Разумные хозяева убеждаются в пользе коммуны, и коммуны-артели растут с каждым днем.

В прошлом 1918 г. их было около 700, в этом году образовано сверх прошлогодних 2000 коммун и 2067 сельско-хозяйственных артелей.

Вот как быстро стали расти коммуны.

Тем не менее, если сравнить это количество коммун и артелей с общим числом единоличных хозяйств, которых у нас по всей России до 30 миллионов хозяйств, то приведенное выше число еще совсем незначительно.

В чем же тут задержка? Почему крестьянство туго соединяется в коммуны и артели?

Посмотрим, почему это происходит.

Каждому известно, что в коммуне и артели личная семейная жизнь идет попрежнему, каждый живет своей семьей и только в работе подчиняется выборному Совету коммуны.

Понятно, не здесь препятствие, а в другом.

Беспокоит каждого желающего вступить в коммуну или артель совсем другое.

Некоторые думают, что если теперь у единоличного хозяина еще кое-что есть, иногда лошаденка или коровенка, а то и то и другое, а также имеется и кое-какой инвентарь, то при вступлении в коллективное хозяйство такой хозяин становится уже совсем нищим: все переходит в коммуну и даже курицы своей не остается.

Крестьяне, так рассуждающие, впадают в глубокую ошибку.

Наоборот, каждый из вступающих в коммуну или артель становится гораздо обеспеченнее, чем прежде.

В самом деле, что такое сельско-хозяйственная коммуна?

Сельско-хозяйственная коммуна есть, как мы уже сказали, союз, и союз добровольный, в котором члены вместо жалких, бедных, слабых единоличных хозяйств создают большое, сильное технически, более правильно оборудованное хозяйство.

И каждый из членов коммуны является участником этого большого хозяйства.

Если еще вчера у бедняка не было ни лошади, ни коровы, ни овцы, то теперь он является вместе со своей семьей участником такого хозяйства, в котором имеются в достаточном количестве лошади, чтобы обработать землю, есть коровы, чтобы накормить детей, есть свиньи, гуси, утки, овцы, кролики, найдутся и пчелы; имеются илуги, сеялки, жатки, молотилки, веялки, а иногда и

тракторы (паровые плуги). И все это есть общее достояние всех коммунаров.

Коммуна обеспечивает каждого работника и его семью.

Если теперь каждый из крестьян, ведя свое отдельное хозяйство, терпит страшную нужду в случае болезни или какого-либо несчастья в хозяйстве, то в коммуне болезнь одного работника или даже нескольких почти никакого вреда не принесет.

Что происходит теперь в хозяйстве крестьянина, когда умирает единственный работник?

Хозяйство гибнет, семья обречена на нищету, маленькие дети принуждены нищенствовать.

Другое дело в коммуне.

Если умирает единственный кормилец семьи и оставляет жену с малолетними детьми, то коммуна не выбрасывает их на улицу: она принимает на себя заботу о малолетних и воспитывает их, пока они не подрастут и не начнут работать в коммуне.

Что же нужно еще человеку?

В коммуне он обеспечен работой, коммуна его кормит, одевает, обувает, коммуна кормит и семью коммунара, учит его детей, заботится об их здоровье и т. д.

И многие из крестьян-тружеников уже готовы немедленно вступить в коммуну или артель, так как видят от этого иступления прямую для себя пользу, но чего-то опасаются.

Чего же они «опасаются»?

Что удерживает товарищей начать дружную, совместную работу?

А вот что беспокоит товарищей. Часто приходится слышать от крестьян такие речи:

«Не уживемся мы вместе. Ведь вот и сейчас мы видим большие семьи и видим, как хорошо идет у них хозяйство; всего у них много, они сыты, одеты, и скотина у них сыта, и в поле все во-время сделано. И все же из таких сильных хозяйств уходят. Уходят дети от родителей, уходит брат от брата. И тем более из коммуны будем мы бежать, так как трудно нам ужиться

вместе, не захотим подчиниться своему брату, хотя бы и выборному».

Да, это верно, в этих рассуждениях есть некоторая доля правды.

Однако, посмотрим хорошенько: может быть, и не так уже будет трудно ужиться вместе, если устроить жизнь в коммунах правильно, организовать труд и поставить жизнь коммунаров в такие условия, что и места для ссоры не останется.

Почему? Да потому, что между большой семьей и коммуной есть большая разница.

В семье есть глава семьи, есть старшие и младшие, есть любимчики и нелюбимые, есть богатые снохи и бедные.

В большой семье есть свекор и свекровь, есть зятя, снохи, золовки, деверья и так далее.

Редко бывает так, чтобы свекровь подчинилась снохе, или считала себя равной с ней, и нет таких семей, в особенности крестьянских, где бы младший сын имел одинаковые права с отцом.

В семье незаметно царит гнет старших, гнет богатых снох и порабощение бедных и осиротелых.

А каково в большой семье жить сиротам? Их все считают нахлебниками и бременем семьи.

А каково жить молодой матери с малолетними детьми, если мужа и отца нет дома?

И что происходит в большей семье, когда старик отец вводит в дом мачеху?

Сколько преступлений совершается на почве семейных раздоров?

И теперь сравним с этой большой семьей коммуны.

Вся жизнь в коммуне построена на равенстве.

Здесь нет ни богатых, ни бедных, ни старших, ни младших, ни сынков, ни пасынков.

Все здесь получают для себя от коммуны все необходимое и отдают в коммуны все свои силы, все свои способности.

Нет здесь ни твоего ни моего—все наше, все общее, братское и все работают, живя каждый для всех и все для каждого.

— Да, — скажут некоторые, — но кто же распоряжается в коммуне? ведь не может же идти хозяйство хорошо, если мы все начнем распоряжаться. Ведь среди нас есть и хорошие работники, но есть и лентяи. Что же делать нам с лентяями и лодырями?

Но рассуждения такие неправильны.

Прежде всего следует хорошенько запомнить, что в коммуне обязательно должен быть распорядительный орган, который и направляет всю работу, распределяет ее между коммунарами, следит за работой, учитывает продукты и отвечает за все как перед своими товарищами-коммунарами, так и перед Советской властью в лице Народного Комиссариата Земледелия.

Этот распорядительный орган в коммуне называется Советом Коммуны.

В него выбираются лучшие и энергичнейшие работники коммуны. Такие среди трудовых крестьян и рабочих имеются в достаточном количестве.

И пусть не боятся товарищи, вступающие в коммуну: Советская власть сумеет справиться с теми, кто попытается для своих личных корыстных целей нарушить интересы коммуны.

Но крестьян гораздо больше интересует вопрос о так называемых лентяях или лодырях.

Когда кто-нибудь говорит о своих братьях крестьянах, что они лентяи и лодыри, следует узнать, не говорит ли это тот самый «богатеи», который нарочит нанять себе такого лентяя в батраки и ездить на нем, приговаривая: «лентяй, лодырь».

Лентяями и лодырями сплошь и рядом называют тех людей, которые еще ранее были выбиты из хозяйственного благополучия различными несчастьями и неудачами: пожаром, падежем скота, смертью хозяйки и тому подобным. Есть и теперь еще люди, находящиеся в таких условиях хозяйства, что невольно остаются без дела.

Вот, например, возьмем двух хозяев: у одного есть лошади, а у другого ее нет. Первый едет в поле, а второму ехать не на чем. Первый едет в лес, а второй поневоле сидит дома.

Что же, можно назвать такого бедняка лентяем?

Конечно, нет.

Есть безусловно люди менее способные, наконец, просто больные с ослабленной волей, есть также, которым, может, не по душе сельский труд, но этим и в коммуны идти незачем. Они могут найти работу в городе.

В коммуне не может быть лентяев и лодырей, так как работы хватит на всех: кто едет в поле, кто работает в коммунальном огороде и саду, одни едут в лес, а другие возводят и ремонтируют постройки. Эта партия работает на скотном дворе, а та поехала на мельницу; и даже старики и увечные находят себе работу по силам и по способностям в коммуне: они работают на пчельниках, несут сторожевую службу и так далее.

Но если бы бездельники завелись в коммуне, товарищи всегда могут выгнать таких негодных членов из коммуны.

Но как же быть беднякам, которые ничего не имеют?

Какая же у них будет коммуна — одна горькая бедность?

Нет, беднякам предоставляется полная возможность организовать без копейки коммуны: им на помощь приходит Советская власть.

Народный Комиссариат Земледелия отпускает средства для организации коммун и артелей.

При помощи коммуны Советская власть стремится поднять производительность земли и заменить тяжелый труд крестьянина машиной, завести лучший скот и увеличить урожайность с каждой десятины земли.

Пожалуй, при таких условиях и можно бы пойти в коммуны: кажется, все дается, что нужно для хозяйства и жизни, но возникает еще один вопрос, который также необходимо выяснить.

— А как же мы будем получать по своим потребностям?

В коммуне должен вестись всему строгий учет. Учет этот легко произвести, так как в коммуне общая коопухня, общий скотный двор, общий птичник, сад, огород, пчельник и так далее.

А если учет поставлен правильно, то распределить продукты по справедливости уже не составит большого труда.

Чем лучше идет общее хозяйство, тем легче удовлетворить потребности каждого.

Еще возникает один вопрос:

— А где же коммуна достает необходимые предметы, как, например: одежду, обувь, соль, сахар, керосин, гвозди и так далее? Все эти предметы коммуна должна получать от Совета, через соответствующие органы.

Теперь это дело так устраивается: все коммуны и артели данного уезда соединяются в один Союз коммун. При этом Союзе должен существовать Отдел Снабжения и Товарообмена. Все излишки полученных из хозяйства продуктов коммуны и артели сдают в Союз, а Союз сдает их в продовольственные органы. С своей стороны Отдел Снабжения и Товарообмена получает для коммун и артелей все необходимые товары и распределяет их по коммунам и артелям, сообразуясь с действительными потребностями и наличностью товаров.

Надо еще заметить, что в Союз коммун входят не только сельско-хозяйственные коммуны и артели, но также и производственные, т.-е. такие, которые изготовляют всевозможные предметы для сельского хозяйства, а именно: колеса, телеги, дуги, сани, простейшие орудия и так далее.

При помощи Союза устанавливается и обмен живым и мертвым инвентарем между коммунами и артелями.

Таким образом может происходить и обмен лошадьми, коровами, свиньями, овцами, кроликами, птицей и так далее.

Как видите, все придумано самой жизнью очень хорошо, только хозяйничай.

Но многих товарищей крестьян беспокоит еще один вопрос: а что, если кому-нибудь не понравится жить в коммуне или артели?

Может он оттуда уйти или нет, и если может, то будет ли ему возвращено все внесенное им имущество?

Прежде всего всякому хорошему работнику и хозяину ясно, что выходить из коммуны и артели будут очень

немногие, так как кому же будет охота из большого налаженного хозяйства уходить на свои полосы и владеть жалкое существование отдельного хозяина.

Если же член коммуны во что бы то ни стало пожелает выйти из коммуны и жить отдельно, то, по уставу коммуны, общему собранию предоставляется право выделить уходящим живой и мертвый инвентарь, чтобы мог коммунар жить и хозяйничать один, раз он этого желает.

Пока дело коммуны и артели еще новое, бывают иногда недоразумения, но они большею частью улаживаются Советом коммуны, который может выделить из себя и товарищеский суд.

А если уже не удастся самим уладить всякие недоразумения, тогда дело переходит в Союз коммун или Земельный Отдел.

Теперь ясно каждому, кому выгодна коммуна: она выгодна бедняку и вообще всякому труженику.

Надо еще ответить на один вопрос: кто же боится коммуны?

Конечно, прежде всего ее боится тот, кто живет не своим трудом, а пользуется работой другого.

Коммуна в корне уничтожает всякую наживу от чужого труда.

В России трудящиеся крестьянские массы являются огромным большинством населения: из ста человек около восьмидесяти приходится на земледельцев.

Если будет правильно налажена жизнь крестьянства, то Советская Россия быстро освободится от тяжелых последствий мировой и гражданской войны и достигнет необычайного экономического и культурного развития.

Будем же строить новые формы трудовой жизни, ни на минуту не останавливаясь, ибо трудящимся принадлежат настоящее и будущее.